

УДК 81'33(81.13)
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТА В ДИСКУРСИВНОМ АНАЛИЗЕ

Валерия Евгеньевна Чернявская

д. филол. наук, профессор, зав. НИЛ «Лингвистические технологии»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19. tcherniavskaia@rambler.ru

SPIN-код: 5173-6746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

Please cite this article in English as:

Chernyavskaya V. E. Operatsionalizatsiya konteksta v diskursivnom analize [Operationalization of Context in Discourse Analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 83–93. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93 (In Russ.)

Понятие «контекст» рассматривается как совокупность социокультурных факторов, значимых для адекватного извлечения смыслов при интерпретации текстовой структуры. Проблематизация контекста и его релевантности в лингвистическом анализе фокусирует на современном этапе задачу представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного.

В статье показывается, что операционализация контекста не может быть формализована, сведена к системе очевидных языковых маркеров в структуре текста или последовательности операциональных шагов, обеспечивающих доступ к значимым аспектам. Релевантность контекста для адекватного понимания смыслов регулируется и детерминируется социальной, политической, идеологической практикой. Когерентность конструируется не только исходя из семантики языковых единиц и ситуативных знаний, сколько основываясь на доминирующей коллективной практике понимания. Выявление релевантных аспектов контекста при интерпретации текста рассматривается в связи с дискурсивной компетентностью личности. Дискурсивная компетентность – категория когнитивного уровня, предшествующего уровню текстовой реализации. В осмыслении контекста автор критически обсуждает основные идеи Т. ван Дейка о контекстуальных моделях. Перспективы теоретизации контекста связываются не с лингвистическим инструментарием, но с аналитическим потенциалом социально ориентированных теорий и с данными когнитивных наук, моделирующих процессы речемыслительной деятельности.

При объяснении языковых структур контекст по-разному операционализуется в соответствии с различными теоретико-методологическими установками исследователя. Сопоставляются подходы и объяснительные возможности т. н. некритического дискурсивного анализа в лингвистике дискурса и концепции критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: контекст; дискурсивный анализ; критический анализ дискурса; дискурсивная компетентность.

Введение

Предметом анализа в рамках публикации является контекст как социокультурное пространство, в котором создаются и воспринимаются тексты. Операционализация контекста означает здесь возможность выхода исследователя к тем

его аспектам, которые существенны и репрезентативны для корректного понимания текстовых смыслов.

Наиболее интенсивные дискуссии вокруг значимости контекста как ключевой категории в объяснении понятия «когерентность» пришлось

на 1980-е гг. и далее получили новый ракурс в связи с дискурсивно и когнитивно ориентированными исследованиями в последнее десятилетие XX в. Контекст – это понятие, для которого не применимо одномерное техническое определение. Основное разделение проходит по линии вербальный контекст, т. е. непосредственное окружение языковой единицы в структуре (устного или письменного) текста – слова, словосочетания, предложения, и социальный контекст, т. е. те составляющие, которые конструируют идентичность использующего язык человека – пол, возраст, раса, национальность, социальный, профессиональный статус – и создают прагматическую релевантность высказываний. В таком ракурсе контекст является объектом для специалистов, работающих в социолингвистике, филологии, культурной антропологии. О традициях в осмыслении контекста см. напр.: [Duranti, Goodwin 1992; van Dijk 2005b; 2006, 2008, 2009], о контексте в герменевтической традиции, в постструктурализме – [Щирова 2014].

Следует исходить из того, что экстралингвистический контекст – это основа для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще. При этом выявление релевантных, т. е. значимых для адекватного извлечения смыслов, составляющих контекста зависит от методологической позиции исследователя, в целом от того, какой инструментарий может быть привлечен для этого. Как определить релевантные отношения между социокультурным контекстом и языковыми структурами – ключевой вопрос для исследователя. Он находится в точке пересечения нескольких сложных проблем. Это, с одной стороны, проблема гиперинтерпретации, и мера вовлечения контекста в интерпретации речевой структуры влияет на выводы интерпретатора. С другой стороны, вопросы контекста дополнительно кристаллизуют сегодня те теоретико-методологические аспекты лингвистики, которые решают задачу представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного. Доказательность, как ясно из дискуссий, сопровождающих развитие теоретической лингвистики в XX в., связывается с достижением баланса между строгими, формализованными и интерпретативными подходами к языковому материалу. Волюнтаристские интерпретации в стиле «дискурс – это наше все», подмена анализа с процедурой доказательства эссеистикой и профанными рассуждениями в широком неструктурированном пространстве дискурса не могут не вызывать критическое отношение специалистов. В том числе и поэтому сегодня создается «некоторый формообразующий контекст для еще не заявившего о себе неоструктурализма» [Золяна

2014: 7] и фокус на доказательной лингвистике, подр.: [Беляева, Чернявская 2016]. Выбор исследовательского метода должен решать задачу отграничения контекстов в лингвистической интерпретации. В этом направлении сближаются дискурсивный анализ и корпусная лингвистика, применяющая статистические методы в определении ключевых слов и основных тем (key words, topics) дискурса. Одновременно делается заключение о том, что корпусные количественные методики не обеспечивают достаточной вовлеченности в анализ контекстов. Прагматический уровень анализа остается за рамками объяснительных возможностей количественных формализованных методов, см.: [Шилихина 2014, Чернявская 2017].

В аналитической перспективе следует определить отношение понятия контекст к базовым лингвистическим категориям – текст и дискурс.

Дискурс – текст – контекст

Обращаясь к дискурсу как к единице операционального анализа языкового материала, следует исходить из существования методологически различных подходов дискурсивного анализа. Некоторые из них не опираются на лингвистическое понимание речевой структуры и предполагают социологически, философски, культурологически ориентированный анализ. Разграничение лингвистического и нелингвистического подходов является принципиально значимым для непротиворечивой методики анализа. Это одна из разделительных линий в работе с дискурсом. Другая демаркационная линия проходит при разделении теоретико-методологических подходов внутри лингвистики. Ключевым становится вопрос об исследовательских и эвристических возможностях дискурсивного анализа, о том смысловом приращении, которое достигается работой с дискурсом по сравнению со структурно-грамматическим, семантическим, стилистическим анализом.

В лингвистической теории в последние два десятилетия XX в. сложился особый предмет – дискурсивный анализ (discourse analysis) и особая дисциплина – лингвистика дискурса, см. обзор: [Warnke, Spitzmüller 2008; Spitzmüller, Warnke 2011]. Это продолжение лингвистики текста, продолжение вектора развития функционально и прагматически ориентированной лингвистики. Основные подходы к дискурсу и методы его анализа сложились вследствие выхода исследователя и аналитического интереса за рамки отдельного предложения, затем отдельного текста. При оперировании термином «дискурс» коммуникативная деятельность и продукты этой деятельности – тексты – соотносятся с экстра-

лингвистическим фоном, со спецификой коммуникативной ситуации, социокультурными, историческими, этническими и прочими факторами. Тексты составляют эмпирическую основу для описания дискурса, которое не сводимо только к характеристике пропозиционального и иллокутивного аспекта (грамматики текста), а требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов.

Дискурс может быть представлен как корпус текстов. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов. Лингвистика дискурса устанавливает, как совокупность отдельных высказываний / текстов создает общие смыслы. Семантизация, выявление смысла языковой единицы, связывается не с лексико(слово)-центрическим объяснительным подходом и не (только) с текстоцентрическим подходом, но с мета- или транстекстовым подходом.

Дискурсивный анализ – это инструмент описания транстекстовых структур и их глубинной связности, интертекстуальности, интердискурсивности. Это метод описания языковой системы на уровне выше, чем отдельное предложение или отдельный текст. Задается новый ракурс изучения языка как функционирующей системы, дискурс – это язык в действии (*language-in-use*). Подчеркну, что речь идет о «некритическом» дискурсивном анализе («non-critical» discourse analysis) в отличие от концепций критического анализа дискурса (о них см. далее). В дискурсивном анализе особым образом реализуется текстоцентрический принцип языкового анализа, сфокусированный в лингвистических теориях конца XX в., ушедших от структурно-грамматического понимания текста к функциональному, прагматически обусловленному пониманию. Лингвистика дискурса – это выход за рамки грамматики текста в сторону все более широкого и многофакторного контекста.

Важно подчеркнуть, что контекстуализация, т. е. рассмотрение языковых структур вместе с экстралингвистическим содержанием, не является монополией только и именно дискурсивного анализа в его современном прочтении и не стала актуальной только в связи с дискурсивной парадигмой. Экстралингвистический контекст был атрибутом категории текст и сопровождал все более углубленное научное понимание сути текстуальности на протяжении последней трети XX в.

Лингвистика текста, а формулируя точнее по отношению к ее первоначальному становлению, грамматика текста, отходила от структурного подхода именно через расширение объяснительных возможностей контекста для семантики сло-

ва и, далее, предложения. Текст – это знак целой ситуации. Текст, а не слово или предложение, становился исходной семантической единицей и отправной точкой в анализе. При этом текст в динамической процессуальной проекции рассматривается как постоянная, непрекращающаяся семантизация, как со-бытие многих значений, которые актуализируются или не актуализируются в контексте. Всякая языковая единица, форма, слово рассматриваются не как семантическая постоянная (заданное лексиконом значение), но как контекстно зависимая, переменная величина. Слова наделяются смыслом исходя не из системно-языковых характеристик, но из межтекстовых связей и контекстуальных характеристик. Приведу суждение из пионерской работы Т. ван Дейка «Текст и контекст» 1977 г., раскрывающее, почему смыслообразование не может быть объяснено только с опорой на формально-грамматические отношения между предложениями. Грамматика связной речи в узком понимании термина не может применяться для описания всей полноты семантических характеристик, только понятие грамматики в методологически широком смысле, включая прагматический компонент, референциальную семантику, интерпретативную семантику и макросемантику, может обеспечить доступ ко многим общим качествам дискурса, работая с грамматикой как таковой, ср.: «If we take this notion [grammar of discourse] in a very restricted sense, only a few properties of discourse can be accounted for. If we are prepared to take the notion of grammar in a still methodologically sound wider sense, including a pragmatic component, a reference semantic, a semantic with world-knowledge interpretation conditions and a macro-semantics, we shall be able to account for many general properties of discourse within the grammar itself» [van Dijk 1977: 7]. Слова получают синтаксическую функцию только в связи с целой структурой, покрывающей предложение [ibid.: 6].

В этом отношении следует возразить мнению С. Т. Золяна о том, что текстоцентрические теории, «законченные теории, отрицающие за словом «право на владение смыслом и значением», в лингвистике все еще остаются нереализованной возможностью» [Золян 2013:12]. Теория текста вообще и лингвистика текста как самостоятельная дисциплина (подчеркнем здесь именно лингвистические, не литературоведческие или семиотические разработки) с собственным предметом, категориальным аппаратом и исследовательским инструментарием к 1990-м гг. существенно трансформировались от признания текста как формальной структуры, понимаемой как грамматическое единство, к пониманию коммуникативной процессуальной природы текста.

В современных теориях характеристики текста вообще переосмыслены как интегративное единство свойств, идущих от системы составляющих его семиотических знаков и от использующего эту систему человека. Именно текст, а не слово и предложение, является единицей коммуникации. В тексте возникает иерархическая система взаимодействия единиц разных уровней языка, не сводимая к механической сумме значений этих единиц, идущих от системы языка. Происходит не просто перенос готового содержания в текстовую форму, но возникают новые семантические приращения. «Это в принципе исключает семантико-смысловую статичность текста и его отдельных элементов, выдвигая на передний план динамический характер текстовых структур» [Гончарова 1999: 148]. Разумеется, в художественно-поэтическом тексте и в поэтической семантике «бесконечный семиозис» осуществляется с наибольшей интенсивностью и наглядностью, и это основательно демонстрируется, например, в работах С. Т. Золяна, одного из фундаментальных и последовательных исследователей поэтической семантики [Золян 2014]. Художественный текст дает читателю ту меру рецептивной свободы, которую читатель способен присвоить. Художественный текст вообще существует как дискурс и, точнее, как интердискурс и полностью включается в сферу лингвистики дискурса.

Важно понимать, что представления о тексте не как о форме готовых значений, но как о «генераторе смыслов» применяются по отношению к текстуальности вообще, а не только в связи с поэтическим текстом, как это было наиболее заметно, например, в 1970-е гг. В последнее десятилетие XX в. сфокусировались объяснительные концепции текстуальности, которые представляют ее как когнитивный феномен и наделяют текст сущностными характеристиками процессуальности, поскольку смысл текстового целого дает возможность свободной интерпретации авторских и читательских смыслов, не обязательно совпадающих с заложенными авторскими смыслами. См.: [Brinker 1993; de Beaugrande 1997; Adamzik 2004; Esser 2008; Warnke, Spitzmüller 2008; Sinclair 2004; Щирова 2004; Щирова, Гончарова 2006; Чернявская 2014, 2016].

Дискурс – контекст

Лингвистика дискурса – это развитие на новом витке теории интертекстуальности, развитие методов изучения эксплицитных и имплицитных межтекстовых связей. В дискурсе интертекстуальная компетентность получает ключевой статус. Вообще, интерпретативная способность и – шире – языковая компетентность могут быть

представлены как возможность и способность коммуникантов определить, какие межтекстовые связи актуальны и адекватны для интерпретации смысла.

Показателен следующий пример, он заимствован из документально-исторического цикла «Забывтые вожди. Виктор Абакумов» о министре госбезопасности СССР, создателе отрядов СМЕРШ («смерть шпионам»); его трансляция на первом телевизионном канале РФ состоялась 04.06.2017. В первые годы Великой Отечественной войны немецкая разведка массово забрасывала на советскую территорию диверсантов, набранных из русскоговорящих людей, проживавших на территориях Западной Украины, Прибалтики до их присоединения к СССР и начала войны. Они выдавали себя за своих, за окруженцев, попавших в немецкое кольцо во время наступления, утративших все документы, и ничто, говоря в современных терминах, ни языковая компетенция, ни стиль поведения не выдавало заброшенных шпионов. Работники СМЕРШа выявляли их благодаря найденному приему: на допросе перед такими людьми высыпали картошку и задавали один вопрос: «Где командир?» Вопрос ставил диверсантов в абсолютный тупик, они полностью терялись, а ведь каждый советский человек знал, не мог не знать ответ на этот вопрос, потому что каждый знал фильм «Чапаев» и тот его фрагмент, где Чапаев, объясняя военную науку, показывал на клубень с наростом и говорил: «Командир впереди, на лихом коне!» Комментируя использованный пример, подчеркну, что знание прецедентного текста – фильма «Чапаев» – входило в актуальные знания буквально каждого советского человека, в том числе потому, что кинофильмы в 1930–40-е гг. (и не только тогда) были основным инструментом передачи и формирования нужных смыслов в советском дискурсе. Кинофильмы были информационным каналом, имевшим всеобщий охват при отсутствии альтернативных форматов коммуникации. Не знать содержание фильма «Чапаев» означало быть чужим, исключенным из коллективной практики и общения между своими. Замечу здесь, что современные студенты-лингвисты не способны к инференции при декодировании этой ситуации, не понимают, по их собственному признанию, о чем текст, когда он предъядается как материал анализа на учебных занятиях. Требуется дополнительное разъяснение именно в связи с интертекстуальными знаниями, актуализирующими контекст для адекватной семантизации высказывания.

Объяснительные возможности анализа зависят от степени маркированности контекстуальных связей. Они могут быть прослежены в тексте (1)

как намеренно и открыто заявляемые, эксплицитные; (2) как намеренно не выраженные в поверхностной структуре текста, скрытые автором сообщения; и (3) как не выраженные в тексте, но реконструируемые аналитически исследователем.

В первом и втором случаях межтекстовые связи, т. е. связь внутритекстовой структуры и ее внешнего пространства, выявляются традиционными методами семантического анализа текста, анализа формы изложения – аргументативного, экспликативного, дескриптивного, анализа скрытых смыслов – пресуппозиций и имплицатур связной речи и др. Выявление скрытых, т. е. не маркированных автором, но потенциально возможных, связей между высказываниями и смыслами – наиболее сложная исследовательская задача, она действительно во многом зависит от интересов и теоретических установок исследователя. Проиллюстрируем это еще одним примером. Режиссер и драматург Марк Розовский, создавший образ типичного советского писателя Евгения Сазонова в романе-фельетоне «Евгений Сазонов: Бурный поток. Роман века», вспоминал о своем сотрудничестве в советские годы со знаменитым редактором «Литературной газеты» Виктором Веселовским.

«Веселовский умел править так, чтобы не испортить текст. Это мастерство сродни умению бегать в ливень между струйками и оставаться сухим. Когда я придумал Евгения Сазонова и первые главы романа “Бурный поток”, он, восторженно приняв идею – создать типовой образ выдуманного советского писателя (...) После публикации романа “Бурный поток” Витя предложил мне публиковать так же по строчке в каждом номере биографию выдуманного мною писателя. Я тут же сочинил: “Евгений Сазонов родился в 1937 году. Продолжение следует”. Витя улыбнулся и произнес:

– Не пройдет.

– Почему?

– 37-й год не пройдет, старичок. Надо заменять.

– Понял, – сказал я. – А 36-й можно?

– 36-й можно.

Я тут же исправил: “Евгений Сазонов родился в 1936 году. Продолжение следует”. Веселовский прочел и расхохотался.

– Это какое-такое “продолжение” будет в 37-м году?

– Не знаю. Ты сказал “можно” – я исправил.

– Ладно, – сказал Виктор, – попробую с 36-м. Авось не просекут.

– Но ты же просек!

– Я – другое дело. Важно, чтобы ОНИ не просекли.

Они опять не просекли».

(Цит. по: Розовский М. Шли годы. Смеркалось // Лит. газ. № 17(6221). 22.04.2009).

Понимание этого текста предполагает вывод имплицатуры дискурса: ‘продолжения после 1937 г. не может быть’. Возможность вывода

скрытого смысла базируется на экстралингвистическом контексте, а именно общих знаниях коммуникантов о том, что происходило в СССР до и после 1937 г. Тридцать седьмой год – наивысшая точка массового сталинского террора и арестов, расстрелов советских людей по доносам и неправосудным основаниям. Тридцать седьмой год – это конец жизни, конец надежд для миллионов людей. Процесс семантизации этого текста включен и в более широкий контекст – советской идеологической машины и цензуры 1960–80-х гг. В советское время идеологические установки и партийная цензура делила все на идеологически правильное и идеологически чуждое. С этих позиций существовал дискурс антисоветчины, высказываний, «порочащих советскую действительность». «ОНИ не просекли» означало, что цензоры-редакторы, идеологические кураторы не заметили смысловых аллюзий и интertextуальных связей с другими, антисоветскими высказываниями. Потенциальные цензоры не наделили этот текст соответствующим смыслом и не реализовали, в нашей терминологии, дискурсивный анализ.

В предлагаемых суждениях значимо следующее. Контекст не сводится только к понятию ситуативного «здесь и сейчас» контекста в связи с принципом кооперации: время, место, отношения адресанта и адресата друг к другу, общие фоновые и энциклопедические знания о мире. Контекст понимается как субъектно конструируемая, подвижная категория, предполагающая понимание участниками коммуникации значимости и адекватности того или иного аспекта ситуации для ее анализа. Операционализация контекста может быть сфокусирована как дискурсивная компетентность коммуникантов, т. е. способность выводить интенции и скрытые смыслы, имплицатуры и пресуппозиции высказывания на основе общего знания, владения кодами, мыслительными операциями. Дискурсивная компетентность – категория когнитивного уровня, предшествующего уровню текстовой реализации.

Идея когнитивного интерфейса как необходимого связующего звена между речевой коммуникацией, общественной практикой и дискурсом последовательно развивалась в 1990–2000-е гг. в работах Т. ван Дейка, ориентированных на создание объяснительной теории контекста. Основная идея заключалась в том, что контекст может быть теоретизирован как ментальная модель (context model), как субъективная конструкция, как уникальный опыт участника коммуникации и одновременно коллективное знание. Контекстные модели, по ван Дейку, постоянно адаптируются к изменчивой социокультурной среде при интерпретации актуальной ситуации,

см. напр.: [van Dijk 2008, 2009]. Создание целостной теории контекстуальных моделей остается дискуссионной и во всяком случае открытой задачей. Основным при таком подходе становится вопрос – как, собственно, можно определить, зафиксировать для оперативного анализа процесс адаптации участником коммуникации комплекса внешних действующих факторов при взаимодействии с заданной ситуацией. И этот вопрос остается открытым, его реальная верификация возможна на основе данных нейро- и когнитивных наук. Соответственно, попытки моделирования контекста, как и всякие ментальные процедуры категоризации, следует рассматривать как гипотезы, объяснительные возможности которых оцениваются только исходя из их внутренней непротиворечивости и соответствия исходным постулатам. Перспективы теоретизации контекста, очевидно, связаны не с лингвистическим инструментарием и методологическими возможностями лингвистики, но с аналитическим потенциалом социально ориентированных теорий, объясняющих процессы в социальных практиках, и с прорывами в когнитивных науках, моделирующих сложные процессы речемыслительной деятельности.

Критический анализ дискурса

Контекст по-разному операционализируется и с разной мерой допущения возможных действующих факторов используется в объяснении языковых структур в разных практиках. В определенном исследовательском подходе может задаваться особая координата в интерпретации текста. Может накладываться рамка на взаимодействие семантической структуры текста и его возможного понимания. Исследователь, руководствуясь целями, приоритетами своей поисковой деятельности, может выделять определенные контекстно зависимые характеристики в семантике и прагматике текста. В таком ракурсе дискурс становится для исследователя инструментом обнаружения тех внешних социально обусловленных факторов, которые он, исследователь, усматривает за использованием языка.

Именно такой подход реализован в критическом анализе дискурса (КДА), в практике социально ориентированного изучения языка (Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies, Discourse Historical Approach), подр. см.: [Chilton 2004; van Dijk 1993a, 1993b, 2005, 2010; Fairclough 1995; Fairclough, Wodak 1997; Fairclough 2010; Jager 2009; Riesigl, Wodak 2001; Wodak, Riesigl 2009], аналитическом обзоре [Молодыхенко 2015, 2016]. Рассматриваются формы социально-речевой практики, порождаемые властными идеологическими отношениями. Цель ана-

лиза – показать в интерпретации текста зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики. Изучается не язык как таковой, но представления о широком идеологическом контроле, стоящем за (над) текстами. Идеология создает и поддерживает идентичность социальных групп в их целях, интересах, ресурсах и возможностях социального доминирования.

В центре внимания оказываются серийные высказывания, типичные, воспроизводящие стоящую за ними идеологию. В направлении критического дискурс-анализа, которое развивает австрийский исследователь Р. Водак, заданы дополнительные ракурсы, а именно идея о том, что в обществе различные идеологии, идентичности конкурируют друг с другом. Предметом критического анализа является отношение и различие между конкурирующими идеологиями. Так, центральной темой стал скрытый антисемитизм, ксенофобия общества. Объектом стали расистские, антисемитские, националистические, гендерные предубеждения, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в австрийском и немецком обществе, в том числе на уровне обыденной коммуникации через анализ обыденных тривиальных высказываний, получающих националистическую, расистскую окраску и идеологические смыслы. Бытовые стереотипы рассматриваются как источник распространения ксенофобской, националистической идеологии. Критический анализ дискурса высветил различные формы ксенофобии и социального неравенства, в том числе те, которые отрицаются или замалчиваются, например, бытовой антисемитизм, расизм, «элитарный» расизм, сексизм в среде интеллектуалов, в академической среде и т. п.

Принципиально значимо, что в критическом анализе дискурса язык рассматривается как форма социальной практики, порождающей различные властные идеологические отношения. Связь идеологии, дискурса и определенного, такого и не иного, употребления языка не всегда осознается как таковая участниками коммуникации. Цель анализа – отрефлексировать эту связь как очевидную, системную, регулярно действующую; показать в интерпретации текста зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики.

Цели критического дискурс-анализа вызывают возражения у специалистов, практикующих «некритический» дискурсивный анализ. Обвинения в редуccionизме КДА основаны в том числе на том, что концепция дискурса как социальной практики, детерминированной идеологически, не дает возможности для эмпирического лингвистического анализа, поисковой методик, см.

напр.: [Warnke, Spitzmüller 2008: 23]. Критикуется политическая ангажированность метода, при которой политический, идеологический аспект приобретает в анализе масштаб абсолютной эпистемической детерминации. Анализ реализуется как предзаданный поиск примет и проявлений идеологически обусловленной идентичности в текстовых структурах.

Соглашаясь с этим критическим взглядом, упомяну здесь, что выдвигание идеологического контекста как абсолютной детерминанты в понимании социально-речевых проявлений не является находкой именно критического анализа дискурса. Например, советская цензура, о которой упоминалось выше, выдвигала политическую составляющую контекста в практиках контроля. В СССР с 1922 г. существовал Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, осуществлявший всеохватывающий, придирчивый контроль в советском дискурсе как ценностно-правильной модели должного. Одновременно конструировался т. н. «антисоветский дискурс», в рамки которого притягивались высказывания/тексты из художественных произведений, рутинные повседневные высказывания, заподозренные критикой в антисоветском подтексте. Это значит, что идеологическая критика делала заметными некие языковые единицы и объясняла их употребление как политически мотивированное нелояльное иносказание. Политическая составляющая в восприятии высказываний делалась основной, значимой. Так, литература для детей становилась объектом внимательной цензуры. Многие стихи К. Чуковского, как известно сегодня, были прочитаны в 1920–30-е гг. как критика советского образа жизни. Строки из «Мойдодыра»: «А нечистым трубочистам // Стыд и срам, стыд и срам» были восприняты не как дидактическое назидание детям, но как высокомерное отношение к рабочей профессии, см.: «Комиссия Главсоца... требует выбросить «трубочистов» [Чуковский 1990: 240]. Строки из сказки «Тараканище»: «Он сидит и усами шевелит» прочитывались как отсылка лично к Сталину. Примеры такого прочтения и конструирования фантомного дискурса антисоветчины, приписывания нелояльных государству смыслов могут быть многократно продолжены, см. также: [Чернявская 2014].

Итак, в анализе отношений текста и его контекста возможны разные методологические подходы, влияющие на выводы интерпретатора. Некое высказывание может быть рассмотрено интрадискурсивно, т. е. как составная часть дискурса, зависящая от заданных дискурсом смыслов. В этом случае дискурс как внешняя рамка генерирует и транслирует ценностные представ-

ления, если понимать под ценностью «идеальное (когнитивное) образование – модель должного, задающую ориентиры человеческой деятельности ... компонент надындивидуального, общественного сознания...» [Молодыхенко 2015: 92]. «Дискурс действует как моделирующая система» [там же: 94].

Одновременно высказывание может само задавать условия для его понимания и оценки, т. е. порождать контекст для объединения своего смысла с другими. Например, многожды повторяющиеся высказывания на тему однополых браков, демократичен или нет их запрет, так ли они плохи или нет и т. п. создают фокус на теме, ее релевантности и контекст для ее выдвигания в пространство общественного внимания. Оформляется соответствующий дискурс. Следует согласиться, что «текстовые репрезентации не просто нейтрально отражают внешний мир, системы идентичностей и социальных отношений, но активно участвуют в их изменении и создании новых» [там же: 94]. Непосредственная «механика» взаимодействия дискурсивного пространства с конкретными текстами действует как «управление процессом вербализации: дискурс с вмонтированной в него системой ценностей определяет, какие элементы включать в текстовые репрезентации, а какие исключать, в каком порядке их комбинировать. С одной стороны, текст... «пассивно» формулирует некоторую ценностную позицию как само собой разумеющуюся. С другой стороны, текст может активно конструировать новые ценности или переформулировать старые...» [там же: 95]. Высказывания могут прочитываться определенным образом потому, что создается и поддерживается ценностное, идеологическое рамочное пространство, в котором они воспринимаются как однородные, серийные. Методологическим следствием здесь является следующее: высказывание / текст не только механически включается в существующий контекст. Высказывание само конструирует контекст, в котором оно будет интерпретировано.

Заключение

Выявление релевантных составляющих контекста, значимых и адекватных в анализе текстовых смыслов, остается актуальной и сложно решаемой задачей. Контекст не поддается кодификации и унификации, его операционализация не может быть формализована, сведена к системе очевидных языковых маркеров и кодифицированных процедур доступа к когнитивным моделям контекста, если снова сослаться на ключевые гипотезы Т. ван Дейка. Определение релевантного контекста обеспечивается не только лингви-

стическим инструментарием в смысле применения методов семантического анализа, вывода имплицатур и пресуппозиций и т. д. Это социально контролируемый процесс, он отражает проблему социального доминирования, контроля над каналами передачи информации. Следует согласиться, что релевантность контекста регулируется и детерминируется социальной практикой. Когерентность конструируется не только и не столько исходя из семантики языковых единиц и ситуативных знаний, сколько основываясь на значимости для участника коммуникации того или иного аспекта ситуации. Это в свою очередь основывается на доминирующем «прочтении», на коллективной практике понимания.

Работа с контекстом в практике лингвистического анализа означает определение и включение в анализ значимых характеристик актуальной практики в ее культурной, исторической, локальной обусловленности. Это не формально-структурное, но динамическое взаимодействие смысла текста как сложного знака, соотношенного с дискурсом, и смысла адресата, контролируемое дискурсивной компетенцией последнего.

Список литературы

Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84.

Гончарова Е. А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. 1999. № 8. С. 146–154.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014. 336 с.

Золян С. Т. Текстцентрическая семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 2(25). С. 11–18.

Молодыхенко Е. Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестник Московского городского педагогического университета. 2015. № 3. С. 90–97.

Молодыхенко Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консьюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2016. № 3. С. 122–130.

Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 54–61.

Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: УРСС, 2014. 232 с.

Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистики в интерпретации исторического narra-

тива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3(41). С. 76–87.

Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 6 (в печати).

Чуковский К. И. От двух до пяти // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 71–404.

Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21–26.

Щирова И. А. Текст и контекст в меняющемся мире // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1(7). С. 163–171.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006. 172 с.

Щирова И. А. О «правах» автора, читателя и текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2–3. С. 86–92.

Adamzik K. Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 2004. 176 p.

Baker P. Using Corpora in Discourse analysis. London et al.: Continuum, 2006. 189 p.

Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse and Society*. 2008. Vol. 19(3). P. 273–306.

Beaugrande R. de. New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood; New York, 1997. 670 p.

Brinker K. Textlinguistik. Heidelberg: Groos, 1993. 48 S.

Chilton P. Analysing Political Discourse. London; Routledge, 2004. 226 p.

Dijk T. A. van Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Longman; London; New York, 1977. 261 p.

Dijk T. A. van Principles of critical discourse analysis // *Discourse and society* 4/2. 1993a. P. 249–283.

Dijk T. A. van Elite Discourse and Racism. Thousand Oaks, CA: Sage. 1993b. 251 p.

Dijk T. A. van Discourse and Racism in Spain and Latin America. Amsterdam: Benjamins, 2005a. 251 p.

Dijk T. A. van Contextual knowledge management in discourse production. A CDA perspective // R. Wodak and P. Chilton (eds.). A New Agenda in

- (Critical) Discourse Analysis. Amsterdam: Benjamins, 2005. P. 71–100.
- Dijk T. A. van Discourse, context and cognition // *Discourse Studies*. 2006. № 8(1). P. 159–177.
- Dijk T. A. van Discourse and Context: A socio-cognitive Approach. Cambridge University Press, 2008. 284 p.
- Dijk T. A. van Society and Discourse. How Contexts influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.
- Duranti A., Goodwin Ch. (Eds.) Rethinking Context: An Introduction // *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language)*. Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Esser J. Introduction to English Text-linguistics. Peter Lang. Frankfurt/M, 2009. 209 p.
- Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. London; New York, 1995. 279 p.
- Fairclough N. Language and power. London, 2010. 274 p.
- Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // van Dijk T. A. (Hg.). *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. Bd. 2: Discourse as social interaction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
- Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Münster, 2009. 260 S.
- Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly // *Language in Society*. 2007. № 36(1). P. 51–72.
- Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism. London; New York, 2001. 246 p.
- Sinclair J. Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. Routledge; London; New York, 2004. 224 p.
- Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. W. de Gruyter, 2011. 236 S.
- Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik // Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter; Berlin; New York, 2008. P. 3–54.
- Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter; Berlin; New York, 2008. 240 S.
- Wodak R., Reisigl M. The discourse-historical approach (DHA) // Wodak R., Meyer M. (hgg.). *Methods of critical discourse analysis*. London; New Delhi, 2009. P. 87–121.
- [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, no 3, pp. 77–84. (In Russ.)
- Gonscharova E. A. Stil' kak antropotsentricheskaya kategoriya [Style as an anthropocentric Category]. *Studia Linguistica*, 1999, no. 8, pp. 146–154. (In Russ.)
- Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and Structure of Poetic Text]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 336 p. (In Russ.)
- Zolyan S. T. Tekstotsentricheskaya semantika i teoriya perevoda [Text-Centered Semantics and Theory of Translation]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2013, no. 2(25), pp. 11–18. (In Russ.)
- Molodychenko E. N. Ob operatsionalizatsii kategorii «tsennost'» v tekstovom i diskursivnom analize [The concept of Value in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology]. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Moscow City Teacher Training University Vestnik], 2015, no. 3, pp. 90–97. (In Russ.)
- Molodychenko E.N. Tsennosti i otsenka v diskurse konsyumerizma [Values and Evaluation in Discourse of Consumerism: a Pragmalinguistic Analysis]. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo Federal'nogo Universiteta* [Northern (Arctic) Federal University Bulletin], 2016, no. 3, pp. 122–130. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Discourse Paradigm: Phantom objects and Syndromes]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2014, no. 1, pp. 54–61. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. *Tekst v medial'nom prostanstve* [Text in Multimodal Dimension]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 232 p. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Istoricheskoe proshloe kak tekstovaya real'nost' [Historical Past as a Textual Reality: a linguistic approach in the historical narrative and its methodological implementation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2016, no 3(41), pp. 76–87. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Metodologicheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, no. 6. (In print). (In Russ.)
- Chukovskiy K. I. *Ot dvukh do pyati* [From two to five]. Moscow, 1990, vol. 1, pp. 71–404. (In Russ.)
- Shilikhina K. M. Ispol'zovanie korpusov v issledovaniakh diskursa [The use of language corpora in discourse studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'*

References

Belyaeva L. N., Chernyavskaya V. E. Doka-zatel'naya lingvistika: metod v kognitivnoy paradigme [Evidence-based linguistics: method in cognitive paradigm]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*

- turnaya kommunikatsiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2014, no. 3, pp. 21–26. (In Russ.)
- Shchirova I. A. Tekst i kontekst v menyayushchemsya mire [Text and Context in the changing world]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2014, no. 1(7), pp. 163–171. (In Russ.)
- Shchirova I. A., Goncharova E. A. *Tekst v paradigmatkakh gumanitarnogo znaniya* [Text in the paradigm of humanities]. St. Petersburg, Knizhnyy Dom Publ., 2006. 172 p. (In Russ.)
- Shchirova I. A. O pravakh avtora, chitatelya, teksta [On the Author, Reader and Text's "Rights"]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 2–3, pp. 86–92. (In Russ.)
- Adamzik K. *Textlinguistik*. Tübingen, Niemeyer, 2004. 176 p. (In Germ.)
- Baker P. *Using Corpora in Discourse analysis*. London et al., Continuum, 2006. 189 p. (In Eng.)
- Baker P., Gabrielatos C., Khosravinik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse and Society*. 2008, vol. 19(3), pp. 273–306. (In Eng.)
- Beaugrande R. de. *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, New York, 1997. 670 p. (In Eng.)
- Brinker K. *Textlinguistik*. Heidelberg, Groos, 1993. 48 p. (In Germ.)
- Chilton P. *Analyzing Political Discourse*. London, Routledge, 2004. 226 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Longman: London, New York, 1977. 261 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and society*. 1993a, no. 4/2, pp. 249–83. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Elite Discourse and Racism*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1993b. 251 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Discourse and Racism in Spain and Latin America*. Amsterdam, Benjamins, 2005a. 251 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Contextual knowledge management in discourse production. A CDA perspective. R. Wodak and P. Chilton (Eds.). *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam, Benjamins, 2005b, pp. 71–100. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 2006, no. 8(1), pp. 159–177. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Discourse and Context: A socio-cognitive Approach*. Cambridge University Press, 2008. 284 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p. (In Eng.)
- Duranti A., Goodwin Ch. (Eds.) *Rethinking Context: An Introduction. Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language)*. Cambridge University Press, 1992, pp. 1–42. (In Eng.)
- Esser J. *Introduction to English Text-linguistics*. Peter Lang, Frankfurt/M, 2009. 209 p. (In Eng.)
- Fairclough N. *Critical discourse analysis. The critical study of language*. London, New York, 1995. 279 p. (In Eng.)
- Fairclough N. *Language and power*. London, 2010. 274 p. (In Eng.)
- Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis. Dijk T. A. van (Hg.). *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. Bd. 2: Discourse as social interaction. London, Sage, 1997, pp. 258–284. (In Eng.)
- Jäger S. *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung*. Münster, 2009. 260 p. (In Germ.)
- Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly. *Language in Society*, 2007, no. 36(1), pp. 51–72. (In Eng.)
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and discrimination. Rhetoric of racism and anti-Semitism*. London, New York, 2001. 246 p. (In Eng.)
- Sinclair J. *Trust the Text. Language, Corpus and Discourse*. Ruthledge: London, New York, 2004. 224 p. (In Eng.)
- Spitzmüller J., Warnke I. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. W. de Gruyter, 2011. 236 p. (In Germ.)
- Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik. Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter: Berlin, New York, 2008, pp. 3–54. (In Eng.)
- Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter: Berlin, New York, 2008. 240 p. (In Germ.)
- Wodak R., Reisigl M. The discourse-historical approach (DHA). Wodak R., Meyer M. (Hgg.). *Methods of critical discourse analysis*. London, New Delhi, 2009, pp. 87–121. (In Eng.)

OPERATIONALIZATION OF CONTEXT IN DISCOURSE ANALYSIS

Valeria E. Chernyavskaya

Head of the Linguistic Technologies Research Center

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

19, Politekhnikeskaya st., St. Petersburg, 196135, Russian Federation. tcherniavskaia@rambler.ru

SPIN-code: 5173-6746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

The author puts the notion of context under the analytical spotlight. The context is discussed as a sociocultural dimension of a text structure. It is presumed that context is one of the most elusive notions in social sciences resisting formalization. The question of how to indicate and define extralinguistic aspects relevant in explanation of text meanings is a key issue both in modern text linguistics and discourse linguistics. In a broader dimension, it might contribute to evidence-based interpretation of linguistic facts.

This paper will follow the idea that operationalization of a context is not to be reduced to a communicative situation, some kind of social environment of a text, but is to be explained as a discursive competence of language speakers sharing social practice and cognitive framework. It is the social practice that causes and effects operationalization of relevant context aspects and thus the adequate understanding of text meanings. It is presumed that a cognitive representation of context in the mind of those involved in communication is analytically relevant. To perform an adequate analysis of discourse, we need to include a cognitive dimension. To operationalize context means to take into consideration features of actual practice in specific cultural, historical etc. conditions. The discursive competence controls all the relevant aspects of the production and comprehension of discourse that vary with the social situation. In this aspect, the author critically discusses the main thesis of T. van Dijk's conception that interpretation by the participants of the relevant dimensions of the social environment is represented in so-called "context models" in episodic memory.

The article discusses the extent to which different extralinguistic factors can be effectively used in noncritical discourse analysis and in critical discourse analysis / CDA, it discusses the merits and explanatory potential of CDA.

Key words: context; discourse analysis; critical discourse analysis; discursive competence.